

С вершины дерева, почти в двадцати метрах от земли, можно было увидеть чёрные волосы Люциана.

Мальчик не смотрел на приближающихся друзей, его взгляд был устремлён на город-улей вдали.

Титос и Ванелла переглянулись, вылезая из полей. Они обсуждали, что могло заставить их друга так резко уйти.

Оба предполагали, что дело в Остусе и в том, как явно тот хотел жениться на Алене.

Это было предметом обсуждения в их сообществе.

Но Люциан любил Остуса... такая резкая реакция, как побег из дома, не могла быть связана с этим.

Так что же его беспокоило?

— Я уж думал, что придётся звать Остуса, — раздался внезапный голос.

Молодёжь обернулась.

Генрик Кранног был стар. Он всё ещё стоял высоко и гордо, но морщинистые черты лица выдавали его возраст. Его волосы были седыми и растрёпанными. Один глаз был слеп.

Он прожил долгую жизнь.

Мало времени осталось, и это значило, что у старика было мало терпения к тем, кто запинался в своих словах.

Самый короткий из троицы всегда говорил за их маленькую группу, будучи самым вежливым и хорошо образованным.

— Старик Кранног, — спокойно сказал Титос, кивнув серьёзному старику, — прости, если Люциан тебя обидел, мы... — морщинистая рука поднялась, и Титос замолчал.

— Молодой Люциан кажется очень обеспокоенным, — старик повернулся, чтобы взглянуть на неподвижную фигуру на дереве. — Нехороший знак, — пробормотал он, прежде чем обратиться к Ванелле с легкой усмешкой, — разбитое сердце?

Девушка растерялась, но Титос вмешался.

— Сэр... мы не знаем, что его потревожило... просто он ушёл из дома в огромной спешке.

Генрик был тихим, обдумывая слова мальчика.

Ванелла и Титос слышали его бормотание: — Он узнал...

Генрик вздохнул и закрыл глаза.

— Возьмите сколько нужно времени, дети... Думаю, я знаю, что стало причиной плохого настроения молодого Люциана.

Титос с надеждой посмотрел на старика. — Спроси у него сам, мальчик, — Генрик повернулся и ушёл в свой дом, игнорируя уныние на лице Титоса.

— Ну и решение, — пробормотал самый короткий, — давай, Ван, нам нужно...

Он моргнул от удивления, только тогда осознав, что девушка уже направляется к дереву, готовая лезть вверх.

Титос моргнул, вздохнул и последовал за ней.

К тому времени, как он достиг основания, Ванелла уже была на полпути вверх.

Люциан слышал их, прежде чем увидел. Его глаза не отрывались от самой высокой башни города-улья, самой высокой структуры Гелиоса, дома губернатора.

Ванелла поднялась на верхнюю ветку, осторожно усаживаясь всего в нескольких футах от Люциана. В углу его слегка расфокусированного взгляда он увидел её голову, показавшуюся над кроной дерева.

— Я всегда думала, что ты ненавидишь город, — сказала она.

Люциан, оторвавшись от вида, посмотрел на свою подругу. В её чёрном пучке было несколько веточек и пара листьев.

На её лице была мягкая улыбка, выражение соответствовало её спокойным словам.

— У меня... новый взгляд, — начал Люциан, но остановился от шума, доносившегося снизу.

Пару ругательств и вздохов доносилось снизу, и появился Титос, стряхивая с волос мелкие веточки.

— Быстрый ублюдок, — пробормотал он, устраиваясь на своей ветке. Но его слова не несли злобы. — Всегда надо показать, как ты быстр, да?

Люциан немного рассмеялся, на лице появилась печальная улыбка.

Рука легла на его плечо, ладонь нежно сжала его.

Глаза Титоса умоляюще смотрели на Люциана, его рука оставалась на плече друга.

— Что бы ни случилось, Люциан, — он жестом указал на Ванеллу, — мы здесь для тебя.

— Что случилось? — мягко спросила Ванелла, наклонившись ближе. Она поймала взгляд Люциана, и мальчик вздохнул.

Высоко на дереве, дальше, чем они когда-либо были от земли, с ветром в волосах... Люциан жаждал того чувства свободы, которое он испытывал в детстве.

Чем старше он становился, тем больше ответственности появлялось... тем более запутанным становился этот мир.

Он начал с того, что его сбивало с толку.

— Алена не моя мать.

Оба отреагировали, один слегка, другой словами.

— Что?! — воскликнул Титос, но успокоился. Его инстинктивная реакция была подавлена суровым взглядом Люциана.

— Она вырастила меня. Кормила меня. Учила меня. Но она не моя мать... она не родила меня...

Рука Титоса сильнее сжала плечо Люциана, передавая столько утешения, сколько мог передать грубый мальчик.

— Кто тогда? — спросил Эртах.

Глаза Люциана снова обратились к башне улья.

— Благородная дама, — пробормотал он, игнорируя реакцию друзей.

Они часто обсуждали аристократию Гелиоса, как никто из них не работал, как они. Как, когда Империиум забирает солдат, это не их дети идут под знамёна Императора.

Такие разговоры были обычны среди рабочих и их детей. В последнее время было больше недовольства, чем раньше, но с каждым годом, по мере приближения Трибута, такие реакции были естественными.

Много комментариев было обменено между ними о том, как ленивы и бесполезны благородные...

— Почему ты... — Ванелла искала слова.

— Здесь? Работник? — попытался закончить за неё Люциан.

Девушка кивнула, и Люциан вздохнул.

Он опустил взгляд с города, уставившись на свои открытые ладони.

Его глаза проследили за линиями и бороздами кожи.

— Она умерла, родив меня. Очевидно, я нанес ей слишком тяжёлый удар.

В его словах была злость. Немного, но ядовитость поразила Ванеллу. Титос был обеспокоен, но это проявилось только в его суровом выражении.

Как могло быть иначе? Холодные слова Дессидуса соответствовали их реальности. Люциан знал, что этот человек не лгал без нужды, и рассказывал ему обстоятельства его рождения без лишних подробностей.

Хмурое выражение Титоса, казалось, достигло предела, и он выпалил свой вопрос:

— Но твой отец? Он был женат на благородной даме! Он бы вернулся за...

— У него было достаточно времени, — перебил Люциан, — но никто не пришёл. Только моя

мать знала его личность. Дессидус? Он был её личным слугой.

Титос кивнул немного.

Ванелла знала, о ком я говорил. Она, должно быть, видела его приходящим и уходящим из моего дома.

— Тот угрюмый хорошо одетый человек, всегда приносящий вкусные угощения, когда приходил.

— Он самый, — кивнул Люциан, — он проверял меня, смотрел, как Алена выполняет свою работу.

— Алена... она тоже работала на твою... мать? — Титос с трудом подбирая слова, явно стараясь не разозлить Люциана.

Титос не знал бы, как справиться с таким откровением, так что он едва мог представить, как Люциан справляется с этим.

— Она была акушеркой. Она взяла на себя ответственность за меня после того, как моя мать...

Он не закончил фразу.

Не нужно было.

Они сидели так, рядом друг с другом, пока солнце не начало опускаться за горизонт.

Титос и Ванелла оставались с другом столько, сколько могли.

В конце концов им нужно было вернуться домой. На следующий день была работа. Поля сами себя не обрабатывают.

Когда солнце ушло за горизонт и Гелиос погрузился в одеяло тьмы и мерцающих звёзд, Люциан оставался на дереве столько, сколько мог.

Огни дома Кранного зажглись, освещая часть длинного крыльца.

Взгляд Люциана естественно привлекал искусственный свет, а также фигура там.

Ему... может быть, попадёт.

Остус увидел мальчика, спускающегося с дерева. Кранног оставил ему голосовое сообщение через час после ухода из дома Алены.

Он доставит мальчика домой в безопасности.

— Оставить такое бремя на молодого парня, — подумал он, скрестив руки, когда Люциан вышел из тени.

Его мрачное лицо было совсем не похоже на яркого и весёлого мальчика, которого все знали.

Это было печально.

Остус напомнил себе, что Дессидус был жестоким человеком. Его слова были бы прямыми, не утешительными. Часть его, возможно, винила Люциана в смерти своей леди. Это не вина ребёнка, и это трагедия... но ненависть, которую человек знал бы только подсознательно.

Остус вздохнул.

— Тяжелый день завтра. Лучше отдохни, Люциан.

<http://tl.rulate.ru/book/108090/4298029>